

В серии «Мировые шедевры. Иллюстрированное издание»

Джек Лондон
Белый клык

Оскар Уайльд
Портрет Дориана Грея

Жюль Верн
Вокруг света за 80 дней

Михаил Булгаков
Мастер и Маргарита

Александр Пушкин
Евгений Онегин. Капитанская дочка

Эрих Мария Ремарк
На Западном фронте без перемен

Николай Гоголь
«Ревизор» и лучшие повести

Уильям Шекспир
Ромео и Джульетта. Гамлет

Артур Конан Дойл
Шерлок Холмс. Лучшие повести и рассказы

Марина Цветаева
Мне нравится, что Вы больны не мной

Эрнест Хемингуэй
Старик и море
Праздник, который всегда с тобой

Аркадий и Борис Стругацкие
Пикник на обочине

Анна Ахматова
Сероглазый король

Анна Ахматова

**СЕРОГЛАЗЫЙ
КОРОЛЬ**

Лучшие стихи и биография

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос-Рус)1-5
А95

Серия «Мировые шедевры. Иллюстрированное издание»

Составление, вступительная статья и комментарии *Виктории Горпинко*
Оформление обложки *Юлии Межовой*

Ахматова, Анна Андреевна

А 95 Сероглазый король: Лучшие стихи и биография / Анна Ахматова; сост., вступ. ст. и коммент. В. Горпинко. – Москва: Издательство АСТ, 2017. – 317 с. – (Мировые шедевры. Иллюстрированное издание).

ISBN 978-5-17-100519-1

Русалка, Киевская Колдунья, Царскосельская Муза, Тихая Кассандра, Сама Первозданность, Жилица Небес, Царица без Короны и Жезла, Пророчица Анна... Она всегда оставалась в эпицентре – любви, боли, дружбы, абсолютной верности и страшных трагедий: «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был».

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос-Рус)1-5

© Виктория Горпинко, сост., вступ. ст. и коммент., 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Анна Андреевна Ахматова

Златоустая Анна всёя Руси

Русалка, Киевская Колдунья, Царскосельская Муза, Тихая Кассандра, Сама Перводанность, Жилища Небес, Царица без Короны и Жезла, Пророчица Анна...

Таким количеством восторженных эпитетов, которых удостоилась Анна Ахматова, не награждали ни одного российского поэта. Тысячи посвященных ей пылких строк, мадригалов и любовных признаний можно объединить в отдельное поэтическое направление, а ее портретами, статуэтками и скульптурами — заполнить огромные музейные залы.

Между тем большая часть ее творческой жизни пришлось на тот тяжелый период, когда не только восхищаться ею было нельзя, но даже признаваться в знакомстве с ее поэзией — небезопасно. С середины 1920-х и до конца 1950-х, за исключением нескольких военных лет, официально Ахматовой словно и не существовало. Той Ахматовой, которую еще в нежном возрасте прочили в декадентские поэтессы, чье появление в любом собрании вызывало легкий ажиотаж, которую осеняла несомненная «печать Господня»...

Юная быстроногая дикарка, «насквозь опаленная солнцем», удивляла с ранних лет. Рожденная под Одессой, она прожила 16 лет в Царском Селе, осененном незримым присутствием Пушкина. А все каникулы проводила под Севастополем — на берегу любимого моря. Читать начала рано, писать стихи тоже — с 11 лет. Рано повзрослела, в 14 лет взбудоражила воображение 17-летнего Коли Гумилева, который три года добивался ее согласия на брак.

Рано узнала славу: первый сборник «Вечер» вызвал горячий отклик читающей публики, а «Четки» сделали ее знаменитой — книга переиздавалась

много раз. Про «перчатку с левой руки» знали даже те, кто не держал стихов Ахматовой в руках. Семейная жизнь не заладилась — слишком по-разному Ахматова и Гумилев понимали супружество и слишком ценили личную свободу. Стать идеальной матерью у нее тоже не получилось — сыном Львом занималась в основном свекровь.

Зато, пережив череду сердечных увлечений и залечивая душевные раны, она выросла в мощного поэта, создав — наряду с Мариной Цветаевой — женский поэтический язык. Действительно — «научила женщин говорить». А с началом Первой мировой войны, стойко проходя сквозь все катаклизмы, которые обрушивались на ее многострадальную родину, Ахматова открывалась читателю как голос народа — «искупительный глагол всяя Руси». Покидать Россию она не хотела. Никогда.

1920-е годы начинались как годы сиротства — многие близкие эмигрировали, умирили братья и сестры, гибли в застенках те, кого пощадила война. Расстрелян Гумилев, зачех Блок. Под уничтожение попала та Россия, которую она знала, смертельно болела та литература, которую она так любила. На правах «бывшей» Ахматова ютилась в коммуналке на задворках Шереметевского дворца — в ее жизни было немало дворцов, открытых лишь с черного хода. В домовых книгах ее социальный статус определен скупой жилец. Ее стихов никто не печатает. Да они почти и не пишутся.

1930-е годы окрасились в цвет крови: застрелился Маяковский, в ссылке погиб Мандельштам, побывал под арестом третий муж Николай Пунин, арестован и сослан сын. Ближний круг редет — репрессии не щадят никого. Ее арест не санкционируется только чудом. Стихи живут только в памяти, молча записываются на бумаге — чтобы запомнили редкие проверенные свидетели — и молча сжигаются. Позднее из этого пепла и человеческой памяти она будет восстанавливать поэму «Реквием» — ее памятник бесчеловечной эпохе. Сломавшей судьбу ее сына — Льва Гумилева, раздавившей Булгакова, убившей Цветаеву.

С началом Великой Отечественной войны патриотические стихи Ахматовой, не идущие ни в какое сравнение

с казенными славословиями, звучат по радио и обращаются к читателю со страниц газет. Вывезенная в эвакуацию, она впервые так надолго расстается с Ленинградом и работает над «Поэмой без героя», переосмысленной и преображенной биографией целого поколения — необыкновенного поколения 1910-х годов, уже почти исчезнувшего.

Первый послевоенный год мог стать годом ее триумфа (готовилось к изданию три книги), а стал годом еще одной гражданской смерти. В разгар ждановщины, озабоченной очередной чистой культуры, 57-летняя Ахматова объявляется «блудницей» и до конца 1950-х годов исчезает из советской поэзии. Выживать помогают переводы, но они не дают никакого иммунитета против карательной машины, и когда во второй раз судят и приговаривают к лагерям ее сына, Ахматова переступает через себя — и пишет дифирамбы Сталину. Спасти сына это не помогает. Только смерть вождя всех народов и разоблачение культа личности дарит какую-то надежду.

Она все-таки дождалась своей «плодотворной осени» — признания на родине, интереса со стороны западных издателей, внимания властей, без санкции которых не публиковалось ни строчки, даже разрешения выехать за границу — в Италию и Англию, где ее чествовали как великого русского поэта. Никогда не имевшая своего дома, она наконец получает в свое распоряжение маленькую дачу — «будку» и даже собственную квартиру. Дождалась она и первого большого сборника, в котором удалось обойти многие цензурные запреты. Но дождалась уже тяжело больной. Четвертого инфаркта ее израненное сердце не вынесло. Она ушла из жизни 5 марта — по иронии судьбы, в день смерти Сталина, который любила отмечать. Через сорок лет ее памятник появится на берегу Невы, напротив красных стен «Крестов» — эпицентра трагедии, пережитой ее родным городом.

Она всегда оставалась в эпицентре — любви, боли, дружбы, абсолютной верности и страшных трагедий: «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был».

Виктория Горпинко

**«Мне дали имя при крещенье –
Анна...»**

Детство. Юность. Царскосельская муза

Эпические мотивы

1

В то время я гостила на земле.
Мне дали имя при крещенье — Анна*,
Сладчайшее для губ людских и слуха.
Так дивно знала я земную радость
И праздников считала не двенадцать*,
А столько, сколько было дней в году.
Я, тайному велению покорна,
Товарища свободного избрав,
Любила только солнце и деревья.
Однажды поздним летом иностранку
Я встретила в лукавый час зари,
И вместе мы купались в теплом море.

Маяк на Большом Фонтане.
1990-е гг.

«И праздников считала не двенадцать...» Имеются в виду 12 важнейших православных церковных праздников: 25 декабря (7 января) — Рождество Христово, 6 (19) января — Крещение (Богоявление), 2 (15) февраля — Сретение, 25 марта (7 апреля) — Благовещение, за неделю до Пасхи — Вход Господень в Иерусалим (Вербное воскресенье), 40-й день после Пасхи — Вознесение, 50-й день после Пасхи — Троица, 6 (19) августа — Преображение (Спас), 15 (28) августа — Успение, 8 (21) сентября — Рождество Богородицы, 14 (27) сентября — Воздвижение креста Господня, 21 ноября (4 декабря) — Введение во храм Пресвятой Богородицы.

Одесса. Большой Фонтан

«Мне дали имя при крещенье — Анна...» Анна Андреевна Ахматова родилась 11 (23) июня 1889 года под Одессой, в районе Большой Фонтан, в семье Андрея Антоновича и Инны Эразмовны Горенко (в девичестве — Стоговой). Ее называли в честь бабушки по материнской линии Анны Егоровны Мотовиловой. Бабушка умерла, когда матери Ахматовой было 9 лет.

Инна Эразмовна Стогова,
мать А. Ахматовой.
1880-е гг.

О матери Анны Андреевны известно немного. Инна Эразмовна Стогова (1852—1930), в первом браке Змунчила, состояла в отдаленном родстве с поэтессой Анной Буниной, которую называли Русской Сафой. Она принадлежала к тому же старинному дворянскому роду, что Иван Бунин и Василий Жуковский. Сохранилась черновая запись Ахматовой: «...В семье никто, сколько глаз видит кругом, стихи не писал, только первая русская поэтесса Анна Бунина была тёткой моего деда Эразма Ивановича Стогова...»

Эразм Иванович Стогов — симбирский жандармский полковник в 1834–1938 гг.

По материнской линии Ахматова вела свою родословную от двух известных дворянских фамилий — Мотовиловых и Стоговых, которые, в свою очередь, происходили от негородских бояр. К концу XVIII века оба рода, некогда богатые, обеднели. Инна Эразмовна, как и ее брат и пять сестер, находилась в полной власти деспотичного отца, Эразма Ивановича Стогова, полковника жандармерии, историка и бытописателя Сибири. Всех дочерей он выдавал замуж сам, выбирая им в мужья соседей по имени.

Первый супруг Инны Эразмовны, по семейной легенде, покончил с собой. В юности мать Ахматовой была связана с организацией «Народная воля», лично знала Веру Фигнер. Инна Эразмовна была человеком необыкновенной доброты — именно это качество Анна Андреевна считала ее главной чертой. Как вспоминала Валерия Срезневская, подруга Ахматовой, Инна Эразмовна презирала буржуазный уют, «одевалась по-старушечьи и более чем скромно, завела в доме спартанскую простоту обстановки», в которой и выросли ее дети.

Прадеды Ахматовой по отцовской линии были незнатного происхождения и получили дворянство благодаря военной службе. Тут тоже без мифов не обошлось: согласно семейному преданию, дед Анны, Антон Горенко, был женат на гречанке, от которой она якобы и унаследовала свой характерный профиль. Но до-

Андрей Антонович Горенко

стоверно этот факт не подтвержден, как и уверенность Ахматовой в том, что ее «предки — греки, вернее всего — морские разбойники».

С морем была связана жизнь ее отца, *Андрея Антоновича Горенко* (1848—1915), который служил на Черноморском флоте инженером-механиком и за свою двадцатитрехлетнюю службу провел в плаваниях почти шесть лет, затем преподавал в Морском училище. На момент рождения Ани, третьей по старшинству, он уже вышел в отставку в чине капитана II ранга и обосновался с семьей в Одессе.

У Андрея Антоновича, как и у Инны Эразмовны, это был второй брак (в начале 1880-х годов он овдовел), в котором родилось шестеро детей: Инна, Андрей, Анна, Ия, Ирина (Рика) и Виктор. Рика умерла от туберкулеза, когда Ане было пять лет. Ее смерть держали в тайне от остальных детей, но Аня почувствовала, что произошла трагедия, и уверяла, что эта смерть пролегла тенью через все ее детство.

В 1890 году Андрей Антонович Горенко перевез жену и троих детей, Инну, Андрея и Анну, в Царское Село. Ане не было еще и года. Отец поступил на гражданскую службу — по ведомству путей сообщения, в 1904 году получил чин статского

советника. Он служил под началом великого князя Александра Михайловича, с которым, как вспоминала Ахматова, «отец не сошелся характером», из-за чего вскоре «подал в отставку, которая, разумеется, была принята. Дети с бонной Моникой были отправлены в Евпаторию. Семья распалась. Через год — 15 июля 1906 года — умерла Инна. Все мы больше никогда не жили вместе». По воспоминаниям современников, Андрей Антонович Горенко был «человеком необыкновенно высокого роста, очень красивым, представительным, с большим чувством юмора, властным, любящим жизнь, пользовавшимся успехом у дам». Уверяли также, что он «был страшный мот и вечно увивался за женщинами». В 1905 году он оставил семью и связал свою жизнь с вдовой своего коллеги по Морскому училищу.

После развода Инна Эразмовна переехала вместе с детьми в Крым — сначала в Евпаторию, а затем в Севастополь. «Мы целый год прожили в Евпатории, — вспоминала Ахматова, — где я дома проходила курс предпоследнего класса гимназии, тосковала по Царскому Селу и писала великое множество беспомощных стихов...»

Инна Эразмовна, Андрей Антонович, Рика (на руках), Инна, Анна, Андрей. Около 1894 г.

Ее одежда странной мне казалась,
 Еще страннее – губы, а слова –
 Как звезды падали сентябрьской ночью.
 И, стройная, меня учила плавать*,
 Одной рукой поддерживая тело
 Неопытное на тугих волнах.
 И часто, стоя в голубой воде,
 Она со мной неспешно говорила,
 И мне казалось, что вершины леса
 Слегка шумят, или хрустит песок,
 Иль голосом серебряным волынка*
 Вдали поет о вечере разлук.
 Но слов ее я помнить не могла
 И часто ночью с болью просыпалась.
 Мне чудился полуоткрытый рот,
 Ее глаза и гладкая прическа.
 Как вестника небесного*, молила
 Я девушку печальную тогда:
 «Скажи, скажи, зачем угасла память
 И, так томительно лаская слух,
 Ты отняла блаженство повторенья?..»
 И только раз, когда я виноград
 В плетеную корзинку собирала,
 А смуглая сидела на траве,
 Глаза закрыв и распустивши косы,
 И томною была и утомленной
 От запаха тяжелых синих ягод
 И пряного дыханья дикой мяты, –
 Она слова чудесные вложила
 В сокровищницу памяти моей,
 И, полную корзину уронив,
 Припала я к земле сухой и душной,
 Как к милому, когда поет любовь.

Осень 1913

«И, стройная, меня учила плавать...» Юная Аня Горенко, проводившая все каникулы под Севастополем, на берегу Стрелецкой бухты, была великолепной пловчихой, по словам брата Андрея, она плавала как птица. Виталий Виленкин записал ее рассказ о крымских каникулах: «Здесь можно без всякого надзора, без удержу, часами плескаться в море, заплывать бог знает куда, чувствуя себя как дома в морской стихии, с полной готовностью откликаясь на чье-нибудь досушее предложение: „Девочка, а ну нырни, достань гривенник!“»

Серебряная волынка

«Иль голосом серебряным волынка...» Аллюзия на шотландскую народную сказку «Серебряная волынка», в которой юный волычник, получив в дар от феи волшебный серебряный инструмент, отказывается расставаться с ним и спускается в подземное царство, покинув родных. А далекий звук его чудесного инструмента («словно море плачет») можно до сих пор услышать из глубины заколдованной пещеры.

«Как вестника небесного...»
Небесный вестник — ангел (от др.-греч. *ангелос* — посланец, вестник), бестелесное существо, передающее людям божественную волю и обладающее сверхъестественными возможностями.

Сказка о черном кольце

«Мне от бабушки-татарки...»

Анна Егоровна, в честь которой назвали Аню Горенко, была дочерью Егора Мотовилова, богатого и знатного симбирского помещика. Именно с ним связан образ бабушки-татарки, который вошел в биографический миф Ахматовой.

В своей автобиографии Анна Андреевна писала: «Моего предка хана Ахмата убил ночью в его шатре подкупленный русский убийца, и этим, как повествует Карамзин, кончилось на Руси монгольское иго. В этот день, в память о счастливом событии, из Сретенского монастыря в Москве шел крестный ход. Этот Ахмат, как известно, был чингизидом. Одна из княжон Ахматовых — Прасковья Егоровна — в XVIII веке вышла замуж за богатого и знатного симбирского помещика Мотовилова. Егор Мотовилов был моим прадедом». На самом деле, дворяне Ахматовы княжеского титула никогда не носили, и данных о происхождении их рода от хана Ахмата не имеется.

«Завещала перстень

черный...» Хотя бабушка-татарка — это всего лишь часть Ахматовского мифа, легендарное кольцо у нее действительно было, и она им очень дорожила. Вот как описывал этот перстень ее возлюбленный Борис Анреп: «В Англии такие кольца назывались „траурными“. Кольцо было золотое, равной ширины, снаружи было покрыто черной эмалью, но ободки оставались золотыми. В центре черной эмали был маленький бриллиант. А. А. всегда носила это кольцо и приписывала ему таинственную силу». В 1916 году Ахматова подарила его Анрепу, уезжавшему в Лондон, как оберег.

1

Мне от бабушки-татарки*

Были редкостью подарки;

И зачем я крещена,

Горько гневалась она.

А пред смертью подобрела

И впервые пожалела,

И вздохнула: «Ах, года!

Вот и внучка молода».

И, простивши нрав мой вздорный,

Завещала перстень черный*.

Так сказала: «Он по ней,

С ним ей будет веселей».

1917–1936

Н. С. Шустов. Иоанн III свергает татарское иго, разорвав изображение хана и приказав умертвить послов

Обман

М. А. Змунчила*

1

Весенним солнцем это утро пьяно,
И на террасе запах роз слышней,
А небо ярче синего фаянса.
Тетрадь в обложке мягкого сафьяна*;
Читаю в ней элегии и стансы*,
Написанные бабушке моей.

Дорогу вижу до ворот, и тумбы
Белеют четко в изумрудном дерне.
О, сердце любит радостно и слепо!
И радуют пестреющие клумбы,
И резкий крик вороны в небе черной,
И в глубине аллеи арка склепа.

2 ноября 1910, Киев

«Читаю в ней элегии и стансы...» Элегия (от др.-греч. *элег* — жалобная песнь) — лирическое стихотворение, проникнутое грустью. Расцвет элегической поэзии в русской литературе начался с Жуковского.

Станс (от итал. *stanza* — комната, обстановка) — стихотворение, которое состоит из нескольких независимых четверостиший, выражающих законченную мысль. В европейской поэзии отточенность этому жанру придал Байрон, в русской литературе XIX века эту жанровую форму развивали Пушкин и Лермонтов.

Поместный воин,
в сафьяновых сапогах, с женой

«М. А. Змунчила». Мария Александровна Змунчила (1887—1939) — кузина Ахматовой, к которой Анна Андреевна испытывала очень теплые, нежные чувства. В семье Змунчила в Киеве (по адресу: Мегринговская улица, 7) Ахматова жила в 1906—1907 годах, когда училась в выпускном классе Фундуклеевской женской гимназии. Мария разделяла интерес Ани к поэзии, сама страстно увлекалась Блоком. В 1915 году Мария Александровна, ставшая художницей, вышла замуж за старшего брата Анны — Андрея Андреевича Горенко.

«Тетрадь в обложке мягкого сафьяна...» Сафьян — продубленная кожа козы, окрашенная в яркий цвет. Более грубые сорта сафьяна изготавливались из телячьих или овечьих шкур. В конце XVIII века в России вошли в моду альбомы (обычно в сафьяновых переплетах) для переписывания стихов — типичное увлечение уездных барышень. К концу XIX века такие альбомы начали пользоваться популярностью у учеников закрытых пансионов и женских гимназий, а также среди студентов.

Альбом в сафьяновом
переплете

В Царском Селе*

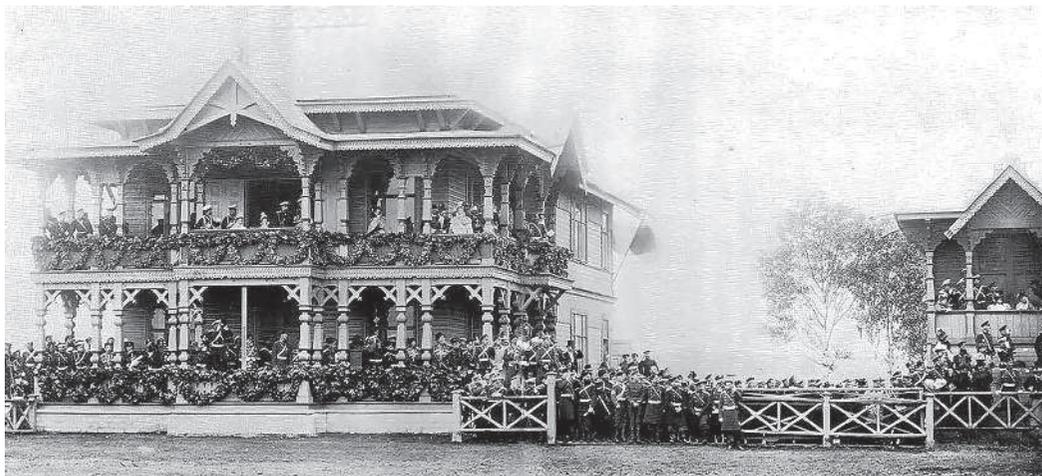
I

По аллее проводят лошадок*.
Длинные волны расчесанных грив.
О, пленительный город загадок,
Я печальна, тебя полюбив.

Странно вспомнить: душа тосковала,
Задышалась в предсмертном бреду.
А теперь я игрушечной стала,
Как мой розовый друг какаду.

Грудь предчувствием боли не сжата,
Если хочешь, в глаза погляди.
Не люблю только час пред закатом,
Ветер с моря и слово «уйди».

«По аллее проводят лошадок...» Это одно из самых ярких детских впечатлений Ахматовой: «Мои первые воспоминания — царскосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал и нечто другое, что вошло впоследствии в „Царскосельскую оду“».

Царское Село. Ипподром

«В Царском Селе». С 1890 по 1905 годы, до расставания родителей, Аня Горенко вместе с братьями и сестрами жила в Царском Селе. Большую часть времени семья нанимала квартиру в доме купчихи Елизаветы Ивановны Шухардиной. «Этому дому было сто лет в 90-х годах XIX века, он стоял на углу Широкой улицы и Безымянного переулка. Старики говорили, что в этом доме „до чугунки“, то есть до 1838 года, находился заезжий двор или трактир. Расположение комнат подтверждает это. Дом деревянный, темно-зеленый, с неполным вторым этажом (вроде мезонина). В полуподвале мелочная лавочка с резким звонком в двери и незабываемым запахом этого рода заведений. С другой стороны (на Безымянном), тоже в полуподвале, мастерская сапожника, на вывеске — сапог и надпись: „Сапожник Б. Неволин“. Летом в низком открытом окне был виден сам сапожник Б. Неволин за работой. Он в зеленом переднике, с мертвенно-бледным, отекившим лицом запойного пьяницы. Из окна неслышимо зловещая сапожная вонь. Все это могло бы быть превосходным кадром современной кинокартины», — из записей Ахматовой, сделанных в конце 1950-х годов.

Ее первые воспоминания и впечатления, первые поэтические опыты — родом из Царского Села. «Читать я училась по азбуке Льва Толстого. В пять

Царское Село. Широкая улица.
TZARSKOJE SELO. Rue Chitokaja.

лет, слушая, как учительница занималась со старшими детьми, я тоже начала говорить по-французски. Первое стихотворение я написала, когда мне было одиннадцать лет. Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина („На рождение порфирородного отрока“) и Некрасова („Мороз Красный нос“). Эти вещи знала наизусть моя мама. Училась я в Царскосельской женской гимназии.

Со стихами связана еще одна таинственная история. В 11 лет Аня тяжело заболела, несколько дней пролежала в беспомощности, боялись, что не выживет. Затем ее поразила временная глухота. Объяснения этому врачи дать не могли. Но именно в те дни, когда она ничего не слышала, Аня Горенко и начала сочинять стихи.

*Царское Село. Широкая улица
на пересечении с Безымянным переулком.
Вид со стороны вокзала*

Царское Село. Мариинская женская гимназия.

*Мариинская женская гимназия.
Третий этаж надстроен в 1908 г.*